
Люциан
Вальден
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Дарья Одиннадцатая

Люциан Вальден. Чужая роль

https://litres.ru/74796014
SelfPub; 2026

Аннотация

Андреев Матвей Владимирович, — обычный специалист по документообороту, — никак не ожидал, что после прочтения очередного фэнтези проснётся внутри него. Точнее, в теле Люциана Вальдена, младшего сына графа и второстепенного персонажа романа «Пылающее сердце: Кровь дракона и слёзы любви».

У Матвея есть небольшая проблема: по сюжету Люциан должен умереть уже на восемьдесят седьмой странице. Причина смерти звучит особенно нелепо: невыносимая печаль, разорвавшая сердце.

План прост: держаться подальше от главных героев, не вмешиваться в романтические отношения и любыми способами избежать печального финала.

Вот только мир книги оказывается ещё нелепее, чем её сюжет. Восемь времён года, противоречивая география, странная королевская семья и поместье с бухгалтерией, способной довести до отчаяния даже опытного специалиста.

Матвей рассчитывал просто пережить чужую историю. Но, кажется, история уже начала замечать его присутствие.

Содержание

Пролог. Последний обычный день. 4
Глава 1. Пробуждение. 37
Глава 2. Пробуждение II 66
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Дарья Одиннадцатая
Люциан Вальден.
Чужая роль

Пролог. Последний обычный день.

В семь утра я обнаружил, что кто-то украл мой носок.

Не буквально, разумеется. В моей квартире не водились ни воры, ни домовые, ни другие существа, способные интересоваться мужскими носками. Но вчера вечером я положил на стул две одинаковые пары, а сегодня там лежал один носок из первой и один из второй.

Я стоял посреди комнаты, держал в руках эти два предмета и пытался понять, в какой момент моя жизнь свернула не туда.

Телефон на тумбочке завибрировал.

7:10.

Будильник.

— Да понял я, — пробормотал я.

Телефон продолжал вибрировать, словно сомневался в моей способности воспринимать речь с первого раза. Я выключил его, бросил носки на кровать и полез в ящик комода. Там, среди зарядных проводов, старых чеков и какой-то

пластиковой детали, происхождение которой я не помнил, обнаружилась ещё одна пара.

Один носок был чёрным, второй тёмно-синим.

Я посмотрел на них.

Потом на первые два.

— Отлично. Сегодня я буду стильным.

Носки отправились обратно в ящик. Я выбрал первую попавшуюся пару, которая хотя бы не отличалась по цвету, и пошёл в ванную.

Кран снова заедал.

Я повернул ручку влево, услышал неприятный скрип, вернул обратно, потом осторожно повернул вправо. Вода пошла тонкой струйкой.

— Доброе утро и тебе.

Кран ответил привычным грохотом труб.

Я давно собирался вызвать сантехника. Даже нашёл номер мастера, записал его в телефон и однажды почти позвонил. Но потом кран заработал, и я решил, что проблема временно решена. Это было месяца два назад.

Почистив зубы, я посмотрел в зеркало.

Выглядел я примерно так, как и должен выглядеть человек, который спал шесть часов и не особенно доволен тем, что проснулся. Тёмно-каштановые волосы торчали над левым виском. Под глазами залегли тени. Очки немного съехали на нос, а на щеке отпечаталась складка от подушки.

Двадцать девять лет. Ни одного седого волоса, если не

считать того подозрительного, который я нашёл на прошлой неделе и до сих пор не решил, чей он был.

Я пригладил волосы мокрой ладонью.

Они поднялись обратно.

— Ладно. Победил.

На кухне меня ждал холодильник, в котором было достаточно еды, чтобы не умереть с голоду, но недостаточно, чтобы приготовить что-то интересное. Вчерашняя гречка, два яйца, половина пачки творога, молоко и контейнер с овощами, которые я купил в надежде начать питаться правильно.

Овощи выглядели так, будто тоже потеряли веру в эту затею.

Я поставил чайник, достал сковородку и разбил яйца.

Телефон лежал рядом с разделочной доской. На экране уже светились сообщения.

Рабочий чат.

Сергей:*Доброе утро. У кого-нибудь есть последняя версия формы 14-Б?*

Оля:*Она же в общей папке.*

Сергей: *Там три версии.*

Оля: *Последняя.*

Сергей: *Спасибо, очень помогло.*

Я усмехнулся и открыл чат.

Матвей:*Если файл называется «14-Б_последняя_точно_финальная_2», то это она.*

Через несколько секунд Сергей ответил:

Сергей:*У нас четыре таких.*

Матвей: *Тогда бери самую последнюю.*

Сергей: *По дате?*

Матвей: *По внутреннему, блин, мирощущению.*

Я отложил телефон, соскрёб яйца со сковороды и налил себе кофе.

На экране появилось ещё одно сообщение. На этот раз от Димы.

Дима:*Тебя сегодня ждать?*

Я посмотрел на часы.

До встречи книжного клуба оставалось почти двенадцать часов.

Матвей:*Нет, я решил посвятить вечер духовному росту.*

Дима:*То есть не идёшь?*

Матвей:*Иду, к моему огромному сожалению.*

Дима: *Принято. Купи по дороге печенье.*

Матвей:*У тебя у самого ноги отлично работают.*

Дима:*У меня есть гордость.*

Матвей:*Она не может сходить в магазин?*

Дима:*Гордость не должна заниматься мелкими бытовыми делами.*

Я поставил телефон экраном вниз.

Дима был человеком, который с завидной регулярностью "абсолютно случайно" забывал кошек дома, а потом с постным лицом спорить с кассиром о том, что скидка на второй товар должна распространяться и на первый. Мы дружили

уже несколько лет, а я до сих пор не понимал, как ему удавалось сочетать такую уверенность в собственных суждениях с полной беспомощностью в вопросах повседневной организации.

Впрочем, возможно, именно поэтому мы и дружили.

Я позавтракал, вымыл сковородку и проверил, не забыл ли выключить плиту. Потом проверил ещё раз. Взял сумку, положил туда кошелёк, ключи и зарядку, вернулся за очками, которые уже были на мне, и наконец вышел из квартиры.

Дверь захлопнулась.

Я постоял на лестничной площадке.

Проверил карманы.

Ключи были.

Телефон был.

Пропуск был.

Можно двигать.

Автобус пришёл с опозданием на девять минут.

На остановке стояло человек пятнадцать, и все смотрели на дорогу с выражением коллективного недовольства. Мужчина в длинном пальто разговаривал по телефону и громко объяснял кому-то, что «не собирается за это отвечать». Девочка лет семи пыталась убедить мать, что сегодня ей совершенно необходимо взять в школу игрушечного динозавра.

— Он будет сидеть в портфеле, — шептала девочка.

— Нет.

— Он никому не помешает.

— **Нет**.

— *Он будет тихо*.

— **Дома**он будет **тихо сидеть**.

Я невольно улыбнулся.

Динозавр, судя по всему, был зелёным и размером с небольшую собаку. Я бы тоже хотел взять такого на работу. Хотя бы для того, чтобы поставить на стол и смотреть на него во время совещаний.

Автобус наконец показался из-за поворота. Водитель открыл двери, и толпа двинулась вперёд.

В салоне было тепло, тесно и пахло мокрой одеждой. Я встал возле поручня, достал телефон и попытался дочитать статью, которую сохранил ещё вчера. Через две остановки рядом со мной освободилось место, но занять его не удалось: туда почти мгновенно уселся мужчина с огромным рюкзаком.

Он даже не заметил, что задел меня локтем.

Я убрал телефон.

Рабочий день обещал быть долгим.

В офис я вошёл за три минуты до начала рабочего времени.

Ирина Константиновна уже сидела за своим столом.

Это был плохой знак.

Она не была злым человеком. Просто обладала редким талантом замечать незавершённые задачи раньше, чем ты успевал о них подумать. Иногда мне казалось, что она могла

видеть просроченные по датам документы прямо через стену.

— Матвей, доброе утро.

— Доброе.

— Зайди ко мне, пожалуйста.

Я поставил сумку возле стола.

— Сейчас?

— Ну, можешь завтра.

— Тогда я сначала кофе налью.

Она посмотрела на меня поверх очков.

— Матвей.

— Уже иду.

В кабинете на столе лежала толстая папка.

Я остановился в дверях.

— Это что?

— Новые договоры.

— Сколько?

— Триста восемьдесят шесть.

Я молча посмотрел на папку.

Потом на Ирину Павловну.

Потом снова на папку.

— Вы хотите, чтобы я их проверил?

— Именно.

— Сегодня?

— Желательно.

— А если я не успею?

— Тогда продолжишь завтра.

Я немного расслабился.

— А, ну это уже не так страшно.

— Но отчёт по прошлой партии мне нужен до обеда.

Я перестал расслабляться.

— Хорошо.

— И ещё. Вчера пришёл запрос от регионального филиала. Они утверждают, что мы потеряли оригинал договора.

— Мы его потеряли?

— Не знаю. Поэтому ты и посмотришь.

— А они точно отправляли?

— Утверждают, что точно.

— Есть подтверждение?

— Есть скан почтовой квитанции.

— Номер отправления?

— Есть.

— Тогда почему они сразу не прислали номер?

Ирина Константиновна пожала плечами.

— Потому что сначала написали жалобу.

Я взял папку.

— Понятно. Документальный эквивалент крика в пустоту.

— Не начинай.

— Я даже близко ещё не начинал.

— И пусть так и остаётся.

Я вышел из кабинета.

На моём столе стояла кружка, которую я оставил вчера. На дне засохло немного кофе. Я посмотрел на неё, потом на папку, потом снова на кружку.

Возможно, если я достаточно долго буду смотреть на эти предметы, они исчезнут.

Не исчезли.

Пришлось работать.

Первые сорок минут прошли спокойно. Я проверял даты, номера договоров, реквизиты и подписи. На третьем документе обнаружил, что в графе «страхователь» указан человек, который вообще не имел отношения к договору.

На пятом не хватало приложения.

На восьмом подпись была поставлена не на той странице.

На одиннадцатом номер полиса отличался от указанного в сопроводительном письме на одну цифру.

Я открыл электронную таблицу и начал заносить замечания.

К десяти утра у меня было двенадцать ошибок.

К половине одиннадцатого их стало двадцать.

Я уже собирался написать в филиал, когда рядом возникла Оля.

— Мить, выручай.

Я не поднял головы.

— Что случилось?

— Мне нужно найти письмо.

— Поздравляю.

— Не издевайся.

— Я пока просто радуюсь за тебя. Какое письмо?

Она положила на край стола листок.

— Вот.

Я посмотрел.

На бумаге было написано: «Соколов, имущество, Тверь, вроде март».

Я поднял глаза.

— Оля.

— Что?

— Ты понимаешь, что это не описание письма? Хочешь, чтобы я выпытывал из тебя информацию, как в каком-то второсортном детективе?

— Там ещё номер договора есть.

— Где?

Она ткнула пальцем в нижнюю часть листа.

Там действительно был номер.

Я вздохнул.

— Хорошо. Это уже лучше.

— Ты сможешь?

— Нет, я буду сверлить его взглядом в надежде, что он испугается и сам найдётся.

— Митя.

— Найду.

Оля улыбнулась.

— Спасибо.

— Не благодари раньше времени. Если это письмо окажется в папке за прошлый год, я выставлю тебе счёт.

Она ушла.

Я нашёл письмо через семь минут. Оно лежало в общей папке, но было сохранено под названием «Соколов_дополнение_2». Внутри обнаружилось ещё два вложения, одно из которых называлось «новое_окончательное».

Я отправил Оле ссылку.

Она ответила благодарным смайликом.

Я посмотрел на экран.

«Когда-нибудь мы все умрём из-за неправильного названия файла», — подумал я.

Потом открыл следующий договор.

Обед я провёл в столовой с Сергеем и Олей.

Сергей рассказывал, что вчера пытался собрать шкаф и в итоге получил три лишние детали. Оля утверждала, что это нормально, потому что производители всегда кладут запасные крепления.

— Три детали не могут быть запасными, — сказал Сергей.

— Могут.

— Тогда почему шкаф шатается?

— Может, ты его неправильно собрал.

— Я собирал по инструкции.

— Значит, инструкция неправильная.

Я ел суп и слушал их спор.

— Мить, — обратился Сергей, — ты же умеешь работать

с документами. Скажи, если в инструкции написано одно, а на практике получается другое, кто виноват?

— Производитель.

— Вот!

— Но если ты собрал шкаф так, что образовались три "лишние детали", то тебе от этого страдать.

Оля рассмеялась.

Сергей посмотрел на меня с обидой.

— Всё совсем не так было.

— Тогда почему рассказываешь именно так?

— Да не правда это!

— Значит, ты ещё не закончил со сборкой.

Он махнул рукой.

После обеда я вернулся к работе. К двум часам проверил больше половины договоров. К трём нашёл ещё один документ с неправильной датой. К четырём отправил отчёт Ирине Павловне и получил в ответ короткое «Принято».

Я посмотрел на часы.

До конца рабочего дня оставалось чуть больше часа.

На телефоне появилось сообщение от Лены.

Лена:*Напоминаю, сегодня встречаемся в семь. Не забудьте книгу.*

Я посмотрел на полку в столе, куда положил принесённую с собой книгу.

Потом на часы.

Потом на папку.

Матвей: *Я уже мысленно принёс её.*

Лена: *Физически тоже желательно.*

Матвей: *Будет подвигом, если я не забуду её в ящике рабочего стола.*

Лена: *И не забудь, что мы сегодня выбираем следующую книгу.*

Матвей: *Я надеюсь, что вы выберете что-нибудь короткое.*

Лена: *Мы не выбираем книги по твоему уровню усталости.*

Матвей: *Очень жаль. Это был бы прекрасный критерий.*

Она прислала смеющийся смайлик.

Я убрал телефон и вернулся к документам.

В половине шестого я закрыл последнюю папку, сохранил таблицу и отнёс Ирине Константиновне отчёт.

— Всё?

— По этой партии да. Два договора вернул на уточнение, по остальным замечаний нет.

Она пролистала таблицу.

— Хорошо. Спасибо.

Я уже собирался уходить, когда она подняла голову.

— Матвей, кстати. Ты в пятницу сможешь задержаться?

Я посмотрел на неё.

— Насколько?

— Часа на два.

— У меня планы.

— Какие?

— Личные.

Она слегка улыбнулась.

— Книжный клуб?

Я помолчал.

— Возможно.

— Тогда не задерживайся сегодня. Иди.

— Спасибо.

— И завтра не опаздывай.

— Я сегодня не опоздал.

— Три минуты.

— Это не опоздание. Это погрешность транспортной системы.

— До свидания, Матвей.

— До свидания.

Я вышел из кабинета, чувствуя себя человеком, которому удалось избежать небольшой, но неприятной катастрофы.

До кафе я решил пройтись пешком.

Вечер был прохладным, но приятным. В воздухе пахло мокрым асфальтом и выпечкой из небольшой пекарни на углу. Я зашёл туда, купил булочку с корицей и отправил Диме фотографию.

Матвей: *Купил.*

Дима: *Где печенье?*

Матвей: *Это булочка.*

Дима: *Я просил печенье.*

Матвей: *Я принесу тебе радость.*

Дима: *Радость не входит в список того, что я просил купить.*

Матвей: *Тогда оставайся без неё.*

Дима: *Я запомню это.*

Я убрал телефон и продолжил путь.

В кафе уже сидела Лена. Перед ней стояла чашка кофе и раскрытый блокнот. Она подняла голову, увидела меня и помахала рукой.

— Ты принёс книгу?

Я поставил сумку на соседний стул.

— Добрый вечер. Рад тебя видеть.

— Книга?

— Да.

Я достал её и положил на стол.

Лена посмотрела на обложку.

— «Пылающее сердце».

— Оно самое.

— И как впечатления?

— Я пока не уверен, что хочу отвечать на этот вопрос.

— Настолько плохо?

— Я ещё не закончил.

— Но?

— Но я уже подозреваю, что автор и я по-разному понимаем устройство времени.

Лена рассмеялась.

— Это как?

— Пока не хочу портить впечатление. Подожду, вдруг дальше всё объяснится.

Она посмотрела на меня с сомнением.

— Ты так говоришь, будто уже похоронил для себя эту книгу.

— Не стану отрицать.

— Митя.

— Я не буду больше ничего отвечать.

Лена рассмеялась.

К столу подошёл Дима. Он снял куртку, поставил на стол бумажный пакет и сел рядом.

— Я принёс печенье.

Я посмотрел на пакет.

— Ты купил печенье?

— Да.

— Сам?

— Да.

— Добровольно?

— Митя, если ты продолжишь, я заберу его обратно.

Я поднял руки.

— Я до этого ни слова не сказал.

Дима достал коробку с печеньем и поставил в центр стола.

— Где остальные?

— Катя задерживается, — ответила Лена. — У неё занятия закончились позже.

— Как обычно.

— У неё работа, Дима.

— У меня тоже работа.

— Ты сегодня закончил в четыре.

— Это не значит, что я не работал.

— Никто не говорит, что ты не работал.

— Прозвучало именно так.

Я открыл пакет и взял печенье.

— Вы можете продолжать. Я пока буду наблюдать за распадом цивилизации.

Дима ткнул в меня пальцем.

— Вот поэтому я и принёс печенье. Чтобы ты не голодал, пока мы спорим.

Катя появилась через десять минут, с растрёпанными волосами и выражением человека, который пережил тяжёлую битву с общественным транспортом.

— Я ненавижу четверги, — объявила она, садясь.

— Сегодня вторник, — заметил Дима.

Катя посмотрела на него.

— Тем хуже.

Мы заказали ещё напитков, немного поговорили о работе, о погоде и о том, что в городе снова перекрыли улицу возле станции. Дима рассказал, что его начальник решил внедрить новую систему учёта, но никто не смог объяснить, зачем она нужна.

— Она должна упростить процессы, — сказал он.

— А упрощает? — спросила Лена.

— Пока нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы было что улучшать.

Я чуть не поперхнулся чаем.

— Это очень похоже на нашу бухгалтерию.

— Не начинай, — сказала Катя. — Я сегодня уже выслушала достаточно жалоб на работу.

— Ты же сама спросила.

— Я спросила, как дела. Это не одно и то же.

— В моей профессии разница несущественная.

Лена закрыла блокнот.

— Ладно. Давайте к книгам. Что читаем дальше?

Дима отодвинул тарелку.

— Я предлагаю что-нибудь с приключениями.

— Ты всегда предлагаешь приключения, — заметила Катя.

— Потому что в жизни их недостаточно.

— Ты только вчера застрял в лифте.

— Это не приключение, а техническая неисправность.

— Ты звонил мне и говорил, что умираешь.

— Я был в замкнутом пространстве.

— На четвёртом этаже.

— Это не имеет значения.

Лена посмотрела на меня.

— Матвей, у тебя есть предложения?

Я пожал плечами.

— Мне всё равно. Главное, чтобы книга была законченной.

— Это почему?

— Потому что я устал от историй, которые заканчиваются обещанием продолжения.

Дима поднял палец.

— Вот! А я люблю продолжения.

— Ты любишь, когда авторы не заканчивают работу.

— Я люблю масштаб.

— Ты любишь покупать книги, которые потом не читаешь.

— Это другое.

Лена рассмеялась и открыла на телефоне список.

— Тогда у меня есть вариант. Фэнтези. Четыреста двадцать страниц. Одна книга, без продолжений.

— Уже подозрительно, — сказал я.

— Называется «Пылающее сердце: Кровь дракона и слёзы любви». Автор Эвелина М. Розенблюм.

Я замер с чашкой в руке.

— Ты серьёзно?

— Да.

Я медленно поставил чашку на стол.

— Ты же видела, что я собирался читать её.

Дима наклонился, чтобы рассмотреть обложку на телефоне.

— Выглядит неплохо.

— Ты так говоришь о любой книге с драконом, — заметила Катя.

— Потому что драконы не подводят.

— В этой книге ещё есть принц, — сказала Лена. — И девушка из обедневшей дворянской семьи. И древнее пророчество. И дворцовые интриги.

— А дракон там есть или его для привлечения внимания на обложке изобразили? — спросил Дима.

— Есть там дракон.

— Тогда я за.

Я посмотрел на Лену.

— Ты уже читала?

— Нет. Я только нашла её.

— Я пока не читал отзывы. Что там?

— Они... Разные.

— Насколько?

Лена чуть помедлила.

— Один человек написал, что это лучшее фэнтези, которое он читал за последние десять лет. Другой назвал книгу «литературным преступлением».

— Прекрасно, — сказал я. — Значит, у нас будет что обсудить.

Катя открыла описание.

— А почему такая обложка? Девушка и дракон. Где принц?

— В углу, — ответила Лена. — Видишь?

— Это принц?

— По описанию, да.

— Он выглядит так, будто его заставили сниматься в рекламе духов.

Дима забрал у неё телефон.

— Нормальная обложка.

— Ты бы купил книгу только из-за дракона, — сказала Катя.

— Разумеется.

Лена положила телефон на стол.

— Предлагаю прочитать её к следующей встрече. Две недели.

Я посмотрел на свою книгу.

— Я уже начал. Могу сказать, что там есть интересные решения.

— Хорошие?

— Не уверен.

— Плохие?

— Тоже не уверен.

Дима откинулся на спинку стула.

— Мить, ты можешь хотя бы один раз не подходить к книге как к проверке налоговой декларации?

— Ложь и клевета. Неужели я так много требую, если хочу, чтобы персонажи не забывали собственные имена?

Катя подняла голову.

— Уже забывают?

— Пока нет. Но у одного персонажа цвет глаз изменился трижды за пятьдесят страниц.

Дима расхохотался.

— Может, он моргал.

— Это насколько же интенсивно надо моргать?

— Очень интенсивно.

Лена забрала телефон.

— Всё равно читаем. Мне интересно, что там.

— Мне тоже, — сказала Катя.

Дима поднял чашку.

— За дракона.

— За здравый смысл, — добавил я.

— Судя по твоим словам, его-то в книге и нет, — заметила Лена.

Мы рассмеялись.

Встреча продолжилась. Мы обсудили предыдущую книгу, поспорили о финале, поговорили о том, почему некоторые авторы любят делать главных героев всесильными, а потом жалуются, что не могут придумать для них интересный конфликт.

Катя рассказывала о своём ученике, который прочитал роман за ночь и теперь утверждал, что школьная программа мешает ему развиваться.

Дима сообщил, что собирается наконец разобрать книжную полку.

Лена рассказала, что на работе ей прислали рукопись, в которой главный герой трижды менял профессию за три главы.

— Может, он просто искал себя, — предположил я.

— Он был врачом, потом шпионом, потом внезапно оказался наследником престола.

— Неплохо. Я бы на его месте остановился на наследнике.

— Его убили в конце третьего главы.

— Это уже не такой удачный карьерный рост.

Дима смеялся так громко, что за соседним столиком обернулись.

Я посмотрел на часы.

Почти десять.

Пора было расходиться.

На улице мы задержались у входа.

Катя вызвала такси. Дима пошёл к метро, а Лена ещё некоторое время отвечала на сообщения.

— Мить, — позвала она, когда я уже собирался уходить.

— Что?

— Ты правда дочитаешь книгу?

Я посмотрел на неё.

— Конечно.

— Даже если она окажется ужасной?

— Особенно если она окажется ужасной.

Лена улыбнулась.

— Вот и хорошо. Тогда не забудь записать свои замеча-

ния.

— Уже.

— Поняла тебя.

Мы попрощались.

Я пошёл к метро, по дороге зашёл в магазин и купил хлеб, молоко и творог. На кассе передо мной стояла женщина, которая никак не могла найти карту лояльности. Она несколько раз проверила сумку, достала кошелёк, телефон, связку ключей и маленькую упаковку салфеток, но карты не было.

— Простите, — сказала она кассиру. — Я точно помню, что она где-то здесь.

— Ничего страшного, — ответила кассирша.

Я посмотрел на очередь.

Потом на женщину.

— У вас приложение есть? — спросил я.

Она подняла голову.

— Что?

— Карта лояльности. Может, в телефоне?

— Нет, я не пользуюсь.

Я кивнул.

— Тогда не переживайте. Ничего страшного.

Она улыбнулась.

— Спасибо.

Я оплатил покупки и вышел.

Домой добрался около одиннадцати.

Квартира встретила меня тишиной.

Я снял куртку, поставил пакет на кухонный стол и включил свет. В раковине стояла кружка, которую я утром не заметил. На подоконнике толстянка наклонилась в сторону окна, словно пыталась сбежать.

Я разобрал покупки, поставил чайник и достал книгу.

На обложке девушка всё ещё смотрела на дракона. Принц всё ещё выглядел так, будто его заставили фотографироваться для каталога дорогих духов.

Я сел за стол.

Телефон завибрировал.

Дима: *Дома?*

Матвей:*Да.*

Дима:*Я тоже. Печенье осталось?*

Матвей: *Ты его купил и забрал оставшийся пакет.*

Дима: *Я просто уточняю.*

Матвей: *Нет.*

Дима: *Ну ты и жук.*

Я отложил телефон и открыл книгу.

На этот раз решил читать внимательно, не отвлекаясь на сообщения и заметки. Впрочем, продержался я недолго.

В прологе романа автор описывала королевство, его историю и географию. На карте столица называлась Астерион, но двлее в первой главе её уже именовали Астерианом.

Я вернулся к карте.

Потом к первой главе.

Потом снова к карте.

— Может, это старое название, — сказал я сам себе.

В тексте об этом ничего не говорилось.

Я записал замечание.

Дальше появилась Эвелина де Ларош. Ей был двадцать один год. Она жила с отцом в небольшом поместье, которое некогда принадлежало её семье, но теперь находилось на грани разорения.

Сама Эвелина была прекрасна, добра и необычайно чиста душой.

Я прочитал этот абзац дважды.

Потом ещё раз.

— Чистота души. Ладно.

У неё были глаза цвета весеннего неба.

Через несколько страниц они стали золотисто-карими.

Я снял очки, протёр их и снова надел.

Слова перед глазами не изменились.

— Ну, может, освещение...

В следующей сцене Эвелина стояла в саду при ярком солнце.

Глаза снова были голубыми.

Я посмотрел на потолок.

— Господи, дай мне сил.

Но книга продолжала затягивать.

Не потому, что была хорошей. Скорее, потому, что я всё время ждал, когда автор объяснит очередную странность. Если столица меняла название, возможно, существовало ста-

рое и новое. Если глаза меняли цвет, возможно, это было связано с магией. Если персонажи исчезали из повествования, возможно, они появятся позже.

Я давал книге шанс за шансом.

В какой-то момент появился наследный принц Адриан Арден.

Ему было двадцать семь лет. Он обладал холодным характером, прекрасной внешностью и непоколебимой волей. В свои годы он уже пятнадцать лет правил королевством.

Я остановился.

Перечитал.

Потом отложил книгу и взял телефон.

Открыл заметки.

«Адриан Арден, 27 лет. Правит 15 лет. Начал в 12? Регентство?»

Я вернулся к тексту.

Никакого регентства.

Никаких объяснений.

Принц просто правил.

Я продолжил читать.

В следующей главе упоминались четыре старших брата Адриана. Все они были значительно старше, но ни один не участвовал в политической жизни королевства. Автор назвала их по именам, описала внешность, а затем больше не вспоминала.

Я записал:

«Четверо старших братьев. Почему наследник Адриан?»

Потом добавил:

«Куда они делись?»

Затем:

«Возможно, умерли?»

И ещё:

«Но тогда зачем упоминать?»

Я отложил телефон.

Книга была не столько плохой, сколько какой-то удивительно беспечной. Она постоянно обещала объяснить мир, но каждый раз забывала, что обещала это несколькими страницами раньше.

И всё же я продолжал.

В какой-то момент на сцену вышел Люциан Вальден.

Младший сын графской семьи. Двадцать четыре года. Пепельно-белые волосы, голубые глаза, приятная внешность. Второстепенный персонаж, который был знаком с Эвелиной и, судя по нескольким репликам, относился к ней с большой теплотой.

Он появился на нескольких страницах, поговорил с девушкой о предстоящем бале, обменялся любезностями с принцем и исчез.

Я даже не сразу заметил, что его больше нет.

Потом имя снова появилось в тексте.

Люциан должен был присутствовать на королевском балу.

Я пролистал назад.

Его характер описывался довольно скупо. Он был добрым, мягким, немного замкнутым. Иногда помогал Эвелине, иногда появлялся рядом с Адрианом, но никаких особых поступков не совершал.

Я пожал плечами.

Ну, второстепенный персонаж. Не все обязаны быть интересными.

На странице восемьдесят семь Люциан умер.

Я перечитал абзац.

Потом ещё раз.

Там было написано:

«Его сердце не выдержало невыносимой печали, и он рухнул, не успев произнести последнего слова».

Я медленно опустил книгу.

Посмотрел на страницу.

Потом на предыдущую.

Потом снова на страницу восемьдесят семь.

— Да ну нет...

Я открыл одну из предыдущих главу.

Люциан разговаривал с Эвелиной. Она рассказывала ему о своих переживаниях, он слушал и обещал, что всё будет хорошо.

Следующая глава.

Эвелина встречалась с Адрианом.

Ещё одна.

Люциан умер.

Я снова вернулся к тексту.

Ни болезни, ни ранения, ни упоминания о каком-либо несчастье. Просто невыносимая печаль, которая разорвала ему сердце.

— Какая печаль? — спросил я у книги.

Книга не ответила.

Я пролистал дальше.

Эвелина плакала. Адриан утешал её. Потом они ушли в сад, где обсуждали будущее королевства.

Люциана больше никто не вспоминал.

Я сидел неподвижно.

Потом открыл заметки и написал:

«Люциан Вальден. 24 года. Умер на стр. 87 от невыносимой печали. Причина нормально не указана».

Подумал и добавил:

«Похоже, персонаж нужен был только для того, чтобы кто-то умер».

Я посмотрел на книгу.

Мне стало немного жаль этого Люциана.

Не потому, что он был особенно хорошо написан. Как раз наоборот. Я практически ничего о нём не знал. Но в этом и заключалась проблема. Он существовал в мире, где у него наверняка были семья, привычки, друзья, какие-то собственные планы. Он жил двадцать четыре года, а автору хватило одного предложения, чтобы закончить его историю.

Я откинулся на спинку стула.

— Ну и дела.

Время показывало 00:17.

Надо было ложиться.

Я закрыл книгу, положил её на тумбочку и пошёл на кухню. Вымыл чашку, убрал остатки еды в холодильник, проверил дверь и выключил свет.

Вернувшись в комнату, я снял очки и положил их рядом с телефоном.

На экране появилось сообщение от Лены.

Лена: *Ты уже дошёл до конца?*

Я усмехнулся и ответил:

Матвей: *Пока нет. Но у меня уймавопросов.*

Лена:*Например?*

Я посмотрел на книгу.

Матвей: *Например, почему у наследного принца четыре старших брата, но он всё равно наследник.*

Лена: *Может, они не хотят?*

Матвей: *Все четверо?*

Лена: *Может, у них свои дела.*

Матвей: *Тогда зачем автор вообще их упомянула?*

Лена долго не отвечала.

Потом пришло сообщение:

Лена: *Теперь мне тоже интересно.*

Я улыбнулся.

Матвей: *Дочитаю и расскажу.*

Лена: *Спокойной ночи.*

Матвей: *Спокойной.*

Я положил телефон экраном вниз и лёг.

За окном проехала машина. В соседней квартире кто-то включил воду. Сверху снова что-то упало, на этот раз с таким грохотом, что я невольно открыл глаза.

Потом всё стихло.

Я лежал, глядя в темноту.

Завтра нужно было закончить проверку документов, купить что-нибудь на ужин и всё-таки вызвать сантехника. Ещё стоило написать Диме, чтобы он вернул мне книгу, которую одолжил месяц назад. И, возможно, купить новые носки. Нормальные. Одинаковые.

Я подумал о книжном клубе.

О Лене, которая наверняка уже искала новые отзывы на «Пылающее сердце».

О Диме, который будет защищать дракона независимо от качества текста.

О Кате, которая обязательно найдёт историческую ошибку, даже если действие происходит в вымышленном королевстве.

О работе, которую я не особенно любил, но вполне умел делать.

О своей квартире, где кран снова протекал, а на подоконнике упрямо росло растение с неизвестным названием.

Всё это было моим.

Не идеальным, не особенно захватывающим, но моим.

Я повернулся на бок и натянул одеяло до плеч.

Последней мыслью перед сном было то, что автору «Пылающего сердца» стоило бы хотя бы объяснить, от чего умер Люциан.

Всё-таки человек не может просто взять и умереть от невыносимой печали.

По крайней мере, в нормальной книге.

Я закрыл глаза.

И уснул, не подозревая, что завтра утром проснусь уже не в своей квартире.

А Люциану Вальдену, как выяснится, оставалось жить гораздо меньше, чем мне бы хотелось.

Глава 1. Пробуждение.

Первое, что я почувствовал, проснувшись, была боль в шее.

Не сильная, но такая противная, тянущая, будто я всю ночь проспал, уткнувшись подбородком в грудь. Я попытался повернуться на бок и обнаружил, что подушка слишком мягкая. Голова в ней утонула почти наполовину, а простыня скользнула по плечу.

Я не покупал таких простыней. У меня вообще постельное бельё было старое, хлопковое, с мелкими синими клеточками. Это же было гладкое, прохладное и пахло чем-то едва уловимым, вроде лаванды.

Я открыл глаза.

Надо мной находился потолок.

Это был не мой потолок.

Я моргнул. Потом ещё раз.

Ничего не изменилось.

В комнате было тихо. За высокими окнами шумел ветер, где-то далеко скрипнула дверь. Сквозь тяжёлые шторы пробивался утренний свет. Я лежал в огромной кровати, под балдахином, в комнате, которую мог бы принять за декорацию к историческому сериалу, если бы не слишком уж убедительные мелочи: складки на ткани, потёртости на деревян-

ной мебели, пыль в углу возле камина.

Я сел.

Голова тут же отозвалась тупой болью. Не так, как после хорошей вечеринки, хотя вчера я выпил только две кружки чая. Просто неприятно, будто я слишком резко поднялся с дивана.

Огляделся.

Кровать. Тумбочка. Стол у окна. Широкий шкаф из тёмного дерева. На стене картина с пейзажем, который выглядел так, словно художник видел лес только однажды и с большого расстояния. Возле камина стояло кресло с высокой спинкой. На кресле лежал тёмный халат.

Я посмотрел на халат.

Потом на себя.

На мне была белая рубашка с завязками у ворота. Ткань тонкая, приятная, рукава длинные. Рубашка была чужая. Не просто не моя, а вообще не похожая на то, что я когда-либо носил.

Я поднял руку и посмотрел на пальцы.

Длинные. Узкие. Кожа светлая, почти прозрачная на фоне простыни. Ногти аккуратные. На безымянном пальце правой руки тонкое серебряное кольцо.

У меня не было такого кольца.

У меня, если уж на то пошло, не было таких рук.

Я перевёл взгляд на вторую руку. Потом ощупал лицо. Нос, подбородок, скулы. Всё на месте, но ощущения были

странные. Как будто я трогал чужую фотографию, только фотография почему-то была тёплой и дышала.

В голове постепенно начинало складываться понимание, что происходит что-то очень плохое.

Я откинул одеяло и спустил ноги на пол.

Ступни коснулись ковра. Густого, мягкого, с коротким ворсом. Я встал, немного покачнулся и машинально ухватился за край тумбочки.

Рост тоже был другим.

Я всегда был довольно обычным человеком. Метр семьдесят восемь, худощавый, с привычкой сутулиться над документами. Сейчас я, кажется, стал выше. Или, возможно, дело было в том, что тело ощущалось непривычно лёгким. Никакой тяжести в плечах, никакой привычной скованности в пояснице.

Я сделал шаг к окну.

Потом остановился.

В комнате было зеркало.

Оно стояло между шкафом и дверью, в массивной резной раме. Я заметил его ещё когда проснулся, но не хотел подходить. Впрочем, оттягивать неизбежное было глупо.

Я подошёл.

Из зеркала на меня смотрел незнакомый молодой мужчина.

Сначала я даже не понял, что именно меня смутило. Лицо было красивым, пожалуй, даже слишком. Тонкие черты,

прямой нос, бледная кожа, светлые волосы, которые падали на лоб неровными прядями. Глаза серо-голубые. Не карие, как у меня. Не чисто серые, не чисто голубые, не даже зелёные. Серо-голубые.

Я поднял руку. Отражение повторило движение.

Провёл пальцами по щеке. Отражение тоже.

Повернулся немного в сторону. Незнакомец в зеркале повернулся вместе со мной.

Я смотрел на него, пока не заболели глаза.

Потом произнёс:

— Нет.

Голос оказался молодым, низковатым и непривычно мягким.

Я сглотнул.

— Нет, нет, нет.

В зеркале мужчина выглядел не менее растерянным, чем я. Хотя, если честно, это могло быть просто моё лицо, которое я пока не научился правильно читать.

Я отступил на шаг и сел на край кровати.

Так. Хорошо. Спокойно.

Надо подумать.

Последнее, что я помнил, было вполне обычным. Я вернулся домой, разогрел ужин, почитал книгу, которую мы выбрали в книжном клубе. Потом лёг спать. Кажется, ещё какое-то время ворочался, потому что не мог выбросить из головы очередную глупость из прочитанного романа.

Никакого ДТП. Никакого удара по голове. Никакой больницы.

Я был дома.

Я должен был быть дома.

Может, это сон?

Мысль прозвучала настолько банально, что я почти разозлился. Конечно, сон. Самое простое объяснение. Сейчас я проснусь, увижу свою комнату, часы на телефоне и вспомню, что сегодня надо не забыть отправить начальнику таблицу по договорам.

Я ущипнул себя за предплечье.

Больно.

Сильнее.

Ещё больнее.

— Чёрт.

Сон не исчез.

Я попробовал лечь обратно, закрыть глаза и сосчитать до десяти. На счёте семь мне показалось, что за дверью кто-то остановился. На счёте девять послышался тихий стук.

Я открыл глаза.

— Милорд?

Голос был мужской, негромкий и явно обращался ко мне.

Я замер.

— Милорд, вы проснулись?

Дверь оставалась закрытой.

Я посмотрел на неё, потом на зеркало, потом снова на

дверь.

Милорд?

Нет. Нет, это уже совсем не смешно.

— Да, — ответил я.

Слово вырвалось само. Я даже не успел подумать, стоит ли отвечать.

За дверью послышалось движение.

— Могу я войти?

Я открыл рот, но не сразу нашёл ответ. В голове возникла нелепая мысль: если сейчас сказать «нет», человек за дверью, возможно, уйдёт, а я смогу спокойно разобраться, что происходит.

Впрочем, человек за дверью мог оказаться кем угодно. Включая врача. Или полицейского. Или участника какого-нибудь идиотского розыгрыша.

— Входите.

Дверь открылась.

В комнату вошёл молодой мужчина в тёмном жилете поверх светлой рубашки. На вид ему было около двадцати пяти. Тёмные волосы аккуратно зачёсаны, лицо спокойное. Он нёс поднос с кувшином, чашкой и сложенной тканью.

Увидев меня сидящим на кровати, он слегка поклонился.

— Доброе утро, милорд.

Я смотрел на него.

Он поставил поднос на столик и подошёл ближе.

— Как вы себя чувствуете?

— Нормально.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Мужчина посмотрел на меня внимательнее.

— Голова больше не болит?

— Немного.

— Желаете позвать лекаря?

Я не знал, что ответить. Лекарь. Хорошо. В какой-то момент разговор про лекаря должен был помочь понять, где я нахожусь и что со мной произошло.

— Наверное, не стоит.

— Как прикажете.

Он не ушёл. Вместо этого открыл шторы и впустил в комнату больше света.

Теперь я мог разглядеть всё гораздо лучше. На столике лежали бумаги, рядом стояла чернильница. У стены находился небольшой диван. На каминной полке были часы, пара фарфоровых фигурок и несколько книг в кожаных переплётах.

Я посмотрел на книги.

На корешках были какие-то названия, но шрифт оказался непривычным. Впрочем, буквы я понимал. Слова тоже. Это почему-то не удивило меня так сильно, как должно было.

— Милорд?

Я повернулся.

— Да?

— Вы желаете умыться? Я приготовил воду.

— Да. Спасибо.

Мужчина подошёл к двери в соседнее помещение и распахнул её.

За ней оказалась ванная комната. Каменная раковина, медные краны, большая ванна на ножках, полотенца на полке. Всё выглядело так, будто я попал в дорогой отель, который очень старательно изображает старину.

Я встал.

Мужчина тут же сделал шаг в сторону.

— Осторожнее, милорд.

— Я в порядке.

Он снова посмотрел на меня. Не так, как смотрят на больного, скорее как на человека, который внезапно начал вести себя непривычно.

Я это заметил.

И мне это не понравилось.

— Как вас зовут? — спросил я.

Мужчина замер.

Всего на секунду. Но этого хватило.

— Томас, милорд.

— Томас, — повторил я.

— Да, милорд.

— Давно вы здесь работаете?

Он нахмурился, но быстро вернул лицу прежнее выражение.

— Четвёртый год.

Четыре года. Значит, он должен был знать меня. Или того

человека, чьё тело я сейчас занимал.

— Понятно.

Я прошёл в ванную. Томас остался у двери.

— Вам помочь?

— Нет. Я сам.

— Хорошо, милорд.

Я закрыл дверь.

И только тогда понял, что всё это время старался не показывать страх.

Теперь можно было перестать.

Я опёрся ладонями о раковину и посмотрел на своё отражение в небольшом зеркале над ней.

Чужое лицо.

Чужая комната.

Чужая одежда.

Чужой человек за дверью, который называл меня милордом.

Я открыл кран. Вода полилась тонкой струёй, зашумела по камню. Я подставил руки, умылся, вытер лицо полотенцем.

Потом снова посмотрел в зеркало.

— Что за хрень?

Отражение ничего не ответило.

Я закрыл глаза.

Мне нужно было вспомнить вчерашний вечер. Последовательность событий. Что я делал, что ел, когда лёг спать. Может быть, я заболел. Может быть, у меня галлюцинации.

Может быть, меня куда-то привезли, пока я был без сознания.

Последнее звучало особенно неприятно.

Я попытался вспомнить, как засыпал. Кровать, телефон, книга на тумбочке. Я читал, пока глаза не начали слипаться. Потом отложил роман, выключил свет.

Роман.

Я резко открыл глаза.

В голове всплыло название.

«Пылающее сердце: Кровь дракона и слёзы любви».

Я вчера читал именно его.

Плохая книга. Очень плохая. Настолько плохая, что мы в клубе уже дважды обсуждали, стоит ли вообще продолжать. Но там была одна деталь, которую я хорошо запомнил.

Люциан Вальден.

Младший сын графской семьи. Второстепенный персонаж. Появляется на нескольких страницах, а потом умирает от невыносимой печали, разорвавшей сердце.

Я посмотрел на себя.

Белые волосы.

Голубые глаза.

Чужое лицо.

Нет.

Я медленно повернул голову к двери.

— Милорд? — раздался голос Томаса. — Всё в порядке?

Я не ответил.

Потому что в этот момент у меня появилась мысль, от которой стало холодно.

Если это действительно Люциан Вальден, то я нахожусь не просто в чужом теле.

Я нахожусь внутри книги.

И, судя по всему, книга не очень заботится о том, чтобы её персонажи оставались живыми.

Я стоял перед раковиной и пытался придумать хоть одно разумное объяснение.

Не получалось.

Можно было предположить, что я сплю. Что меня угораздило попасть в особенно подробный сон, в котором даже вода течёт из крана с правильным звуком, а полотенце пахнет мылом. Но тогда почему я помнил собственную квартиру? Почему помнил вчерашний вечер? И почему мне так отчётливо хотелось вернуться домой?

Я снова посмотрел на руки.

Пальцы дрожали.

Надо было выйти. Сидеть здесь и ждать, пока всё само собой разрешится, было бессмысленно. Томас, кем бы он ни был, мог знать, что случилось с Люцианом. Или с человеком, которого все считали Люцианом.

Я вытер руки и открыл дверь.

Томас стоял на прежнем месте. Он успел сложить одежду на кресле и теперь проверял, всё ли готово к утреннему туалету. Увидев меня, он выпрямился.

— Милорд, я приготовил вам одежду.

Я посмотрел на кресло.

Там лежали брюки, рубашка, жилет и длинный тёмно-синий камзол. Рядом стояли ботинки. Всё было аккуратно разложено, будто я должен был знать, что с этим делать.

— Спасибо.

— Вы желаете одеться сейчас?

— Да. Только…

Я замялся.

Нужно было спросить что-нибудь. Не слишком подозрительное. Например, какой сегодня день? Где мы находимся? Болел ли Люциан? Если да, то как давно? О ком-нибудь из родственников? Что угодно, что могло бы дать мне зацепку.

— Какое сегодня число?

Томас поднял глаза.

— Двадцать третье число месяца цветения, милорд.

Я ждал продолжения.

— А год?

Теперь он смотрел на меня уже с явным беспокойством.

— Две тысячи четыреста восемнадцатый год от основания королевства.

Я молча кивнул.

Хорошо. Значит, не мой мир. Или очень странная версия моего мира.

— Ясно.

— Вам нездоровится?

— Немного не выспался.

— Возможно, вам следует отдохнуть после завтрака. Вчера вы тоже выглядели утомлённым.

Вчера.

Я зацепился за это слово.

— Вчера?

— Да, милорд.

— Что я делал вчера?

Томас не сразу ответил.

— Вы обедали с графиней, затем принимали господина Беннета. После этого некоторое время находились в библиотеке. Вечером ужинали в малой столовой.

Я кивнул, будто именно это и хотел услышать.

— И всё?

— Насколько мне известно, да, милорд.

— Понятно.

Томас осторожно посмотрел на меня.

— Вы не помните?

Вот теперь стало совсем нехорошо.

— Что именно?

— Вчерашний день.

Я отвёл взгляд.

— Помню. Просто хотел уточнить.

Ложь получилась неубедительная. Томас, кажется, подумал о том же, но не стал спорить.

Он помог мне одеться. Вернее, пытался помочь, пока я не

отказался от его услуг. С брюками, рубашкой и жилетом я справился сам, а вот застёжки на камзоле оказались настоящей пыткой. Я дважды перепутал петли, один раз умудрился застегнуть не ту пуговицу, а потом обнаружил, что рукава сидят как-то не так.

Томас терпеливо ждал.

— Я могу помочь, милорд.

— Да, пожалуй.

Он подошёл и быстро поправил застёжки. Двигался привычно, без лишних вопросов. Я смотрел на его руки и пытался представить, сколько раз он уже проделывал это с настоящим Люцианом.

Наверное, сотни.

От этой мысли стало неуютно.

— Готово, — сказал Томас.

— Благодарю.

Он слегка поклонился.

— Завтрак подадут в малой столовой. Графиня просила сообщить ей, когда вы проснётесь.

Я почувствовал, как внутри всё сжалось.

Графиня.

Мать Люциана.

Я помнил её из книги. Впрочем, «помнил» было громким словом. Она появлялась в нескольких сценах, говорила немного, в основном беспокоилась о сыне. У неё даже не было полноценной сюжетной линии.

Но если я действительно находился в теле Люциана, то мне предстояло встретиться с его матерью.

И как объяснить женщине, что её сын куда-то исчез, а вместо него встал с постели совершенно посторонний человек?

— Хорошо, — сказал я. — Сейчас спущусь.

Томас открыл дверь.

Я вышел в коридор.

Он оказался длинным, с высокими окнами и картинами в одинаковых тёмных рамах. Пол был деревянный, покрытый ковровыми дорожками. В дальнем конце виднелась лестница, уходившая вниз.

Я сделал несколько шагов и остановился.

— Томас.

— Да, милорд?

— Сколько времени?

Он посмотрел на часы, стоявшие на небольшом столике у стены.

— Без четверти девять.

Я кивнул.

Обычное утро. Чужое утро. В чужом доме.

— И ещё один вопрос.

— Слушаю, милорд.

Я повернулся к нему.

— Я давно живу здесь?

Томас моргнул.

— Вы родились в этом доме, милорд.

Конечно.

Разумеется.

Я не нашёлся, что ответить, поэтому просто пошёл к лестнице.

Дом оказался гораздо больше, чем казался из комнаты.

На первом этаже располагались несколько гостиных, столовая, библиотека и, судя по всему, ещё множество помещений, в которые я пока не заглядывал. В коридорах встречались слуги. Они кланялись, уступали дорогу, приветствовали меня. Никто не задавал вопросов, но некоторые задерживали взгляд чуть дольше обычного.

Я старался не смотреть на них слишком внимательно.

На лестнице Томас шёл на полшага позади. Я чувствовал его присутствие и всё время хотел обернуться, чтобы спросить, не кажется ли ему странным моё поведение, но, разумеется, не спрашивал.

Мы прошли мимо большой гостиной. Внутри кто-то разговаривал. Женский голос произнёс:

— …не нужно было отправлять его так рано.

Другой голос ответил:

— Он сам настоял.

Я не успел расслышать продолжение.

Томас остановился у двери малой столовой и открыл её.

— Милорд.

Я вошёл.

За столом сидела женщина.

На вид ей было около пятидесяти. Тёмные волосы с заметной сединой были собраны на затылке, платье тёмно-зелёное, без лишних украшений. Перед ней стояла чашка чая, рядом лежали несколько писем. Она подняла голову, когда я вошёл.

И улыбнулась.

Не широко, не особенно радостно. Просто так, как улыбаются близкому человеку, которого ждали.

— Доброе утро, Люциан.

Я остановился.

Женщина смотрела на меня с таким теплом, что мне захотелось немедленно развернуться и уйти.

Не потому, что она была неприятна. Наоборот.

Она была матерью человека, чьё тело я занимал.

— Доброе утро, — ответил я.

Женщина слегка нахмурилась.

— Ты плохо спал?

— Не очень.

— Опять голова?

Я сел на предложенный слугой стул.

— Немного.

— Я просила не читать до поздней ночи. Ты меня, разумеется, не послушал.

Она говорила спокойно, без раздражения. Скорее с привычной усталостью человека, который уже много раз повторял одно и то же.

Я опустил взгляд на стол.

Там стояла тарелка с хлебом, сыром, фруктами и чем-то похожим на омлет. Рядом лежала небольшая салфетка. Я не сразу понял, куда девать руки.

— Матушка, — сказал я, вспомнив обращение из книги.

Женщина посмотрела на меня внимательнее.

— Что?

— Ничего. Просто… доброе утро.

Она улыбнулась уже немного иначе, а потом коротко и тихо посмеялась.

— И снова доброе утро, дорогой.

И протянула руку, чтобы коснуться моей ладони.

Я едва удержался от того, чтобы отдёрнуть её.

Маргарет Вальден.

Графиня. Мать Люциана.

Она существовала. Не как имя на странице. Не как набор реплик, придуманных автором. Она сидела напротив меня, пила чай и беспокоилась о сыне, которого я никогда не знал.

И я собирался позавтракать за его столом, с его матерью, делая вид, что я – это он.

Я почувствовал себя отвратительно.

— Ты сегодня какой-то тихий, — заметила она.

— Просто устал.

— Тогда после завтрака вернёшься к себе. Я не стану тебя задерживать.

Она снова занялась письмами, а я принялся за еду.

Хлеб оказался тёплым. Сыр мягким, с лёгким солоноватым вкусом. Я ел медленно, стараясь не выдавать, что даже обычный завтрак здесь вызывает у меня вопросы.

Маргарет время от времени поглядывала на меня.

— Ты собирался сегодня посмотреть счета с Беннетом, — сказала она. — Если чувствуешь себя плохо, перенесите на завтра.

Я поднял голову.

— Счета?

— Да. Ты сам просил подготовить отчёты.

Я не знал, что ответить.

— Посмотрим.

— Только не пытайся заниматься всем сразу. Беннет прекрасно справится и без тебя.

Я кивнул.

— Хорошо.

Она пододвинула ко мне блюдо с фруктами.

— Возьми грушу. Ты почти ничего не ешь.

Я послушно взял грушу.

И вдруг понял, что мне совершенно не хочется есть.

Я хотел домой.

Хотел в свою маленькую квартиру с пятном на потолке, со старым холодильником, который гудел по ночам, с неудобным диваном и стопкой неоплаченных счетов на кухонном столе. Хотел увидеть телефон, проверить сообщения, открыть рабочую почту. Хотел услышать, как за стеной

сосед ругается с кем-то по телефону.

Всё это было моим.

А здесь мне улыбалась женщина, которая считала меня сыном.

Я опустил глаза.

— Люциан?

— Да?

— Ты меня слышишь?

— Конечно.

Маргарет отложила письмо.

— Я спросила, не хочешь ли ты, чтобы я пригласила лекаря.

— Не нужно, матушка.

— Ты уверен?

— Да.

Она ещё немного смотрела на меня, потом кивнула.

— Хорошо. Но если головная боль усилится, сразу скажи.

— Обязательно.

Я заставил себя доесть кусок хлеба.

Завтрак продолжался, а я всё яснее понимал, что никакого быстрого пробуждения не будет.

Я не знал, как вернуться.

И даже не был уверен, что для меня существует дорога обратно.

После завтрака Маргарет задержала меня.

Не специально. Она просто попросила подождать, пока

Томас унесёт посуду, а затем достала из стопки писем один конверт.

— Кстати, это пришло вчера вечером. Я оставила его у себя, потому что ты уже ушёл к себе.

Она протянула мне письмо.

На плотной бумаге стояла печать с изображением какого-то зверя. Я не сразу понял, что именно изображено: то ли хищник из семейства крупных кошачьих, то ли какое-то мифическое создание. Герб был мне незнаком.

— От кого?

— Из столицы. Тебе лучше прочитать самому.

Я взял конверт.

Почерк на нём был аккуратным, с небольшим наклоном вправо. Имя Люциана было написано полностью, с титулом и фамилией.

Мне пришлось несколько секунд смотреть на него.

Я знал, что письмо адресовано не мне. Но в этом доме, за этим столом, для всех присутствующих я был именно Люцианом Вальденом. И если я продолжу изображать человека, которым не являюсь, рано или поздно придётся научиться хотя бы открывать его почту.

Я осторожно сломал печать.

Внутри оказался лист бумаги. Несколько строк, написанных тем же почерком, что и адрес.

Я прочитал их дважды.

Смысл был простым: автор сообщал, что ожидает увидеть

меня в столице в ближайшее время, интересовался моим самочувствием и просил не откладывать ответ.

Подписи не было. Только инициалы.

А. А.

Я положил письмо на стол.

— Кто это?

Маргарет посмотрела на меня.

— Ты не узнал почерк?

— Не сразу.

— Адриан.

Имя отозвалось в памяти неприятным толчком.

Адриан Арден. Наследный принц.

Я снова посмотрел на инициалы.

— Принц?

— Да.

Маргарет чуть приподняла брови.

— Вы, конечно, около года не виделись, но ты же не мог забыть его, не так ли?

Я быстро покачал головой.

— Нет. Просто не ожидал письма.

— Он спрашивал о тебе ещё на прошлой неделе. Я сказала, что ты поправляешься.

— Я болел?

Маргарет нахмурилась.

— Люциан, ты действительно плохо себя чувствуешь.

— Я просто уточняю.

Она помолчала, затем убрала письмо в сторону.

— Ты несколько месяцев почти не выходил из комнаты. Разве ты не помнишь?

Я не помнил.

Ни болезни, ни столь долгого времени в постели, ни визита принца.

В книге Люциан был упомянут настолько вскользь, что я не мог вспомнить подробностей его жизни. Возможно, автор даже не объяснял, почему наследный принц вообще интересовался каким-то младшим сыном графа. Может, это было связано с Эвелиной. Может, с тем самым балом.

Я чувствовал, как от каждого нового вопроса в голове становится теснее.

— Наверное, ещё не совсем пришёл в себя, — сказал я.

Маргарет внимательно посмотрела на меня.

— Тогда не будем сегодня никуда спешить. Письмо можешь оставить у себя. Ответишь, когда будешь готов.

— Хорошо.

— И, Люциан…

Я поднял глаза.

— Если тебя что-то беспокоит, ты можешь сказать мне. Не обязательно ждать, пока станет совсем плохо.

Она произнесла это негромко. Я не сразу понял, что именно она имела в виду. Но в её голосе было что-то такое, от чего мне захотелось опустить голову.

— Я знаю, матушка.

Маргарет кивнула и больше не стала расспрашивать.

Я вышел из столовой вместе с Томасом. В коридоре было прохладно. Слуга шёл рядом, пока я не остановился у окна.

— Томас.

— Да, милорд?

— Я хотел бы немного побыть один.

— Разумеется. Если вам что-нибудь понадобится, я буду поблизости.

— Хорошо.

Он поклонился и отошёл.

Я остался у окна.

Во дворе работали люди. Двое слуг несли корзины, конюх вёл лошадь к конюшне, неподалёку садовник что-то объяснял мальчишке с лопатой. Всё выглядело совершенно обыкновенно. Никто не кричал, не бегал, не падал в обморок от того, что я проснулся в чужом теле.

Мир продолжал жить.

Это почему-то пугало сильнее всего.

Я достал письмо из кармана камзола и ещё раз прочитал его.

«Буду рад увидеть тебя в столице».

Ниже стояла дата. Подпись отсутствовала.

Адриан Арден.

В книге он был наследным принцем, молодым мужчиной с холодным взглядом, который влюблялся в Эвелину и постепенно раскрывался благодаря её доброте. По крайней ме-

ре, так это подавалось в тексте. Я помнил, что его называли наследником престола, хотя у короля, если верить одной из глав, было несколько старших сыновей.

Впрочем, логика в этой книге была отдельным видом наказания.

Я сунул письмо обратно.

Нужно было найти книгу. Если я действительно попал в роман, то хотя бы должен понимать, в какой момент истории нахожусь.

И главное, сколько времени у меня есть.

Я вернулся в комнату, но вместо того, чтобы сесть на кровать, подошёл к письменному столу. Там лежали бумаги, несколько книг, нож для вскрытия конвертов и небольшая шкатулка. Я открыл ящики один за другим.

В первом нашлись перья, чернила, чистая бумага и пара сложенных записок. Во втором лежали какие-то квитанции, аккуратно перевязанные лентой. В третьем обнаружилась маленькая деревянная коробочка.

Я открыл её.

Внутри лежал перстень с тёмно-синим камнем и несколько монет. Я не стал трогать их.

На столе стояла чернильница. Рядом лежала книга в тёмно-красном переплёте. Я взял её, но название оказалось мне незнакомо. Перелистал несколько страниц. Текст читался без труда, хотя некоторые слова были непривычными.

Значит, язык я понимаю.

Это было хоть что-то.

Я поставил книгу обратно и сел.

В голове постепенно выстраивался список вопросов. Где я? Как оказался здесь? Что случилось с настоящим Люцианом? Почему я помню свою жизнь? Почему никто не замечает, что я другой?

Последний вопрос особенно врезался в голову.

Я не мог знать, насколько хорошо окружающие помнили Люциана. Возможно, он всегда был немного замкнутым, странным, неразговорчивым. Может быть, у него случались провалы в памяти. Может быть, он действительно положительно болел.

Но долго притворяться не получится.

Я посмотрел на письмо Адриана.

В книге Люциан умирал после бала.

Я не помнил точной даты. Не помнил, сколько глав отделяло его появление от смерти. Но помнил формулировку. Помнил её именно потому, что она показалась мне нелепой.

«Невыносимая печаль разорвала его сердце».

Я тогда ещё перечитал предложение, решив, что пропустил какой-то абзац. Но нет. Никаких объяснений. Никаких подробностей. Люциан просто умирал, потому что автору понадобилось освободить место для следующей сцены.

Я закрыл лицо руками.

Если это действительно та самая история, мне нужно держаться от неё подальше.

Не встречаться с принцем. Не вмешиваться в отношения Эвелины и Адриана. Не ходить на бал, если получится. Не делать ничего, что может привести к той самой смерти.

План был простой.

Правда, у него имелся один недостаток.

Я пока не знал, где нахожусь и как выбраться из комнаты.

Я откинулся на спинку кресла и посмотрел на окно. Во дворе садовник всё ещё разговаривал с мальчишкой. Тот что-то уронил, нагнулся, поднял и получил от старшего короткое замечание. Я не слышал точных слов, потому что на таком расстоянии они слышались единым неразборчивым гулом, но улавливал интонацию.

Я невольно улыбнулся.

Обычная жизнь. Самая обычная.

И мне отчаянно хотелось обратно в неё.

В дверь постучали.

Я вздрогнул.

— Милорд, можно войти?

Томас.

— Да.

Он вошёл с небольшим подносом.

— Я принёс чай. Графиня просила передать, что после полудня у вас снова будет возможность отдохнуть. Она также велела не беспокоить вас без необходимости.

— Спасибо.

Томас поставил поднос на стол.

— Вы желаете, чтобы я оставил дверь открытой?

— Нет, закройте, пожалуйста.

Он выполнил просьбу, но не ушёл сразу.

— Милорд?

— Да?

— Вы сегодня очень необычны.

Я почувствовал, как напряглись плечи.

Томас смотрел на меня не обвиняюще, скорее обеспокоенно.

— В каком смысле?

— Вы спрашиваете о вещах, которые знаете с детства и обращаетесь ко мне так, словно мы едва знакомы.

Я промолчал.

Он продолжил:

— Если вам что-то нужно, вы можете сказать прямо. Я не стану задавать лишних вопросов.

В этой фразе было больше участия, чем я ожидал.

Но сказать правду я не мог.

— Я плохо себя чувствую, Томас. Наверное, поэтому.

— Возможно.

Он не выглядел убеждённым.

— Вам вызвать лекаря?

— Пока нет.

— Как скажите, милорд.

Томас поклонился и вышел.

Я остался один.

Несколько минут смотрел на закрытую дверь. Потом взял чашку и сделал глоток.

Чай был горячим, крепким и совершенно не помогал.

Я поставил его обратно и снова посмотрел на свои руки.

Я не знал, сколько времени прошло с момента, когда я лёг спать в собственной квартире. Не знал, что стало с моим телом. Не знал, жив ли я вообще.

Но если я действительно оказался в романе, у меня хотя бы было одно преимущество.

Я знал, что Люциан должен умереть.

И теперь собирался сделать всё возможное, чтобы этого не произошло.

Глава 2. Пробуждение II

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.